МИХАИЛ РОММ: ВЕРА В БУДУЩЕЕ

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО КИНОРЕЖИССЁРА

Я предполагаю продолжить работу, начатую в «Обыкновенном фашизме», то есть вновь сделать фильм-размышление, с таким же упором на авторский текст, на авторскую мысль, но, разумеется, на современном материале.

Я не боюсь, что картина будет в известном смысле тенденциозной. «Обыкновенный фашизм» тоже тенденциозен. Я не сомневаюсь, что люди захотят смотреть эту картину, которая затрагивает любого человека, ибо она будет говорить о жизни и о смерти, о сытых и голодных, о войне и мире, о тревоге и равнодушии — словом, о существовании человечества, которое заслуживает любви.

Ведь коммунизм — это прежде всего любовь к людям.

М. РОММ
февраль, 1968 г.

В ТО ВРЕМЯ, в пору подготовки к своему новому фильму, который Михаил Ильич Ромм назвал «Мир-68», мы много встречались с ним, разговаривали о литературе, о кино и, конечно, о будущем фильме. На экранах мира тогда шел «Обыкновенный фашизм» — одно из самых потрясающих художественно - публицистических обвинений фашизма. И снова Ромм задумывал фильм, в котором документальный, невымышленный факт должен превратиться в художественный образ. Снова публицистическое выступление. В этом не было ничего необычного, удивительного: более всего в те годы Ромма интересовало состояние жизни на планете, пути, по которым движется цивилизация. Ведь именно тогда, в шестидесятые годы, выйдя в космос, человечество сумело уже конкретно, осязаемо соотнести его бесконечность с размером планеты, на которой оно живет, поняло, как драгоценна жизнь — мирная жизнь, и как много у земляц, несмотря на различия в социальном строе и образе жизни, несмотря на идеологические противоречия, общих интересов и устремлений. Ромма интересовал прежде всего нравственный климат планеты, он хотел в образной кинематографической публицистике высказать свое отношение к тому, что есть XX век — что он принес людям и в чем отказал им.

Михаил Ильич Ромм писал замечательные книги, был прекрасным знатоком литературы и театра, но, конечно, всегда оставался преданным служителем кинематографа. И нет сомнений в том, что для рассказа о своем времени, о мире, в котором мы живем, он выбрал самое верное и самое мощное оружие — кинокамеру. Изменчива кинематографическая мода, преходящи стили, но отзывчивость кино, его способность остро и небезразлично воспринимать все то, что происходит теперь, сейчас, на наших глазах, остаются неизменными. Кинематограф в каком-то смысле принял на себя заботу о мире.

Кино — искусство звукозрительное — переводит идею в четкую конкретность кадра, останавливает летучие мгновения жизни, истории, осмысляя их словом — мудрым и веским, превращает документальный кадр, подчас давно всем известный, в пластический образ.

Так был сделан «Обыкновенный фашизм». Эти же принципы должны были лечь в основу фильма «И все-таки я верю», посвященного актуальным вопросам современного мира.

М. И. Ромм хотел показать в картине западную молодежь, поколение, которое выросло без войны, в атмосфере общества потребления. Почему же молодые так резко вырвались из повиновения «взрослым», противопоставили им свои идеалы, попытались создать собственную «идеологию поколения»? Почему множество молодых людей вдруг кинулось в политику, часто безрассудно, не видя перед собой конкретной цели и последствий своих бурных выступлений? А другие, называя себя «детьми-цветами», спокойно расположились на центральных площадях европейских столиц и занялись проповедью всеобщей любви? Фарисейское общество олимпийски потрафляло и тем, и другим, видя и незрелость идеологических концепций, и то, что многое в их выступлениях и декларациях было от игры, от простого желания противопоставить себя сытому миру отцов. Но вот минуло несколько лет, и правы оказались старшие: прошла «мода» на маоизм, оскудели ряды хиппи. Расчет был верным: дети поиграют в политику и вернутся в банки, в университеты. Оставим их в покое, пока не произошло опасного поворота во взглядах, которые — чем черт не шутит! — могут привести к социальным потрясениям. Очень трудную задачу ставил перед собой Ромм: средствами художественного публицистического кинематографа ответить на запутанный и чрезвычайно актуальный вопрос о том, что движет этими молодыми людьми, к чему они придут, как сильно влияние буржуазной идеологии на умы молодых.

Очень сложно работать над этой темой. Масса материала. Чтобы образно и четко изложить свою позицию на экране, Михаилу Ильичу Ромму приходилось просматривать многие тысячи метров кинопленки, отбирая по крохам необходимое. А в это время за стенами просмотрового зала происходят новые события, вчерашняя хроника не всегда переживает свой день. Нужны четкая позиция режиссёра, его философский обобщающий взгляд, чтобы остаться на верном пути, не запутаться в потоке информации.

Ромм не хотел быть назидательным, не хотел учить, но, конечно, не мог оставаться в роли наблюдателя, комментатора, лишь констатирующего факт. Собственно, Ромму эти черты всегда были чужды. Вместе с оператором Германом Лавровым он успел отснять материал во многих странах мира. Он сам вступал в разговоры с людьми, на которых была нацелена кинокамера, отстаивал свою точку зрения в остром споре. Надо сказать, Ромм был удивительным собеседником: он не обрушивал на своего идейного противника весь груз своей эрудиции и опыта, и поэтому люди легко раскрывались в общении с ним, высказывали свое мнение, спорили — он всегда умел полемически заострять разговор и терпеть не мог обтекаемых формулировок. Он не боялся вскрывать суть проблем. И до последних дней горячо и сердито говорил о том пагубном влиянии, которое оказывает на умы и нравы молодых буржуазное искусство, называл его «подсластенной пилюлей».

«Этот секс, эта смерть льются со всех экранов, со страниц журналов, из каких-то дешевых порнографических изданий, каких-то бандитских изданий. Повсюду на громадных стендах пистолеты, револьверы, трупы, убийства, обнаженные тела и эротика, которая входит в их жизнь, буквально как только они начинают видеть окружающий мир», — писал Ромм в режиссерском сценарии фильма «И все-таки я верю».

Но было бы неверно сказать, что фильм задумывался только о молодежи. Действительно, настроение молодого поколения Запада чрезвычайно волновало Ромма — художника и исследователя. Но все же он хотел сделать фильм о нашем веке, о парадоксах и закономерностях эпохи автомобилей, холодильников, искусственных материалов, роботов, нейлона и космических кораблей. Он с тревогой думал о том, что цивилизация может нанести непоправимый ущерб природе, среде, в которой живет человек. Он не мыслил фильм без разговора о политике, о «любых точках, которые завтра, послезавтра, сегодня могут дать взрыв».

Михаил Ильич Ромм не успел снять этот фильм полностью — его завершили режиссеры Э. Климов и М. Хуциев.

С. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

Один из последних снимков М. И. Ромма
Фото Б. БАЛДИНА

138